ПОЛИНА РЕЙ

ВЛЮБИЛСЯ ЗАНОВО...

В ЖЕНУ

Полина Рей
Влюбился заново… в жену

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72281380
SelfPub; 2025

Аннотация

– Ты сегодня какая-то другая.

Муж, который приехал посидеть с нашим сыном, смотрит на меня тем взглядом, который я уже забыла.

Как же давно в его глазах плескалось восхищение! Кажется, с тех пор прошла целая вечность.

– Я обычная, – пожимаю плечами. – Ты же сам это сказал прежде, чем уйти к этой твоей… Лиле, или как её?

«Она не такая, как все… А ты… ты обычная, Катя».

Именно эта причина лежала в основе его измены.

– Нет, Кать… – морщится Илья. – Ты не обычная. Я это понял уже давно. А сейчас вообще стала другой.

И снова ловлю в его взоре нотки восторга, от которого хочется закрыться.

А дальше начинается самая настоящая осада. И я в этом всём – настоящая крепость.

Ведь мой бывший муж вдруг решил, что он… влюбился заново в жену.

Полина Рей

Влюбился заново… в жену

– Ты сегодня какая-то другая.

Муж, который приехал посидеть с нашим сыном, смотрит на меня тем взглядом, который я уже забыла.

Как же давно в его глазах плескалось восхищение! Кажется, с тех пор прошла целая вечность.

– Я обычная, – пожимаю плечами. – Ты же сам это сказал прежде, чем уйти к этой твоей… Лиле, или как её?

«Она не такая, как все… А ты… ты обычная, Катя».

Именно эта причина лежала в основе его измены.

– Нет, Кать… – морщится Илья. – Ты не обычная. Я это понял уже давно. А сейчас вообще стала другой.

И снова ловлю в его взоре нотки восторга, от которого хочется закрыться.

А дальше начинается самая настоящая осада. И я в этом всём – настоящая крепость.

Ведь мой бывший муж вдруг решил, что он… влюбился заново в жену.

– С вас две тысячи четыреста восемнадцать рублей.

Эти слова кассир произнесла с нажимом и явным раздражением, и я вынырнула из своих размышлений, в которые ушла на пару мгновений.

Ну или не на пару – так сразу не разберешь.

– Что, простите? – уточнила, сжимая в руках карту.

На меня уставились три пары недовольных глаз. Кассирши и двух покупателей, стоящих в очереди за мною.

– С вас две тысячи четыреста восемнадцать рублей! – повторила громче дородная барышня, которая только и мечтала, чтобы я расплатилась за покупки и исчезла из поля ее зрения.

Я спохватилась. Продукты не собраны, хотя у меня в привычку входило паковать их сразу, как только кассир их пробил. Быстро приложила карту к терминалу и начала поспешно складывать покупки в пакет.

Никак не могла сосредоточиться на чём-то конкретном, и причиной тому был проект, который захватил меня с головой, и который я обдумывала каждую свободную минутку.

Домой практически бежала, так хотелось поскорее устроиться за ноутбуком и начать работать над своими замыслами. А когда оказалась в прихожей, даже не смогла сдержать разочарования.

Вспомнила, что сегодня Илья, мой бывший муж, приехал побыть с нашим сыном.

Развелись мы не так давно, виделись довольно часто. Кудряшов обещал приезжать к Герману два-три раза в неделю и слово держал. Только раз пропустил визит и то по причине болезни. И вот сегодня снова прибыл к нам, хотя и был не далее как вчера.

– Ты зачастил, – сказала я мужу, который явился следом за мной сразу, стоило только мне перешагнуть порог квартиры, сообщить, что я дома, и отнести покупки на кухню.

– Тебе это не нравится? – вскинул он бровь, прислонившись плечом к стене и сложив руки на груди.

Я задумалась, прежде чем ответить. Герман был счастлив от того, что папа рядом довольно часто. А я, несмотря на то, что сейчас мне было совершенно не до бывшего мужа, вынуждена была скрыть то чувство, которое сегодня уже на себе испытала. Раздражение.

– Нет, почему не нравится? – пожала я плечами, ответив вопросом на вопрос.

– Как будто бы я последний, с кем бы тебе хотелось сейчас разговаривать, – проявив чудеса дедукции, ответил муж.

Хмыкнув, я покачала головой и не стала развивать тему дальше. Вытащила пачку наггетсов, к ним спагетти и овощи. Собиралась приготовить ужин на скорую руку, но не хотела, чтобы Илья оставался.

– Ты можешь быть свободен, – растянув губы холодно настолько, что улыбку можно было добавлять в виски вместо льда, обратилась я к Кудряшову.

Он вновь приподнял брови и вместо того, чтобы попрощаться с сыном и уехать, устроился за столом. Медленно обвёл взглядом продукты и вдруг признался:

– Я скучаю по тем временам, когда ты готовила свои вкусняшки, а потом мы втроём ужинали.

Не сдержавшись, я рассмеялась. Какую именно цель преследовал Илья, не знала, но подозревала, что ему просто хочется остаться и разделить трапезу со мной и Германом.

Не то что мне было жалко продуктов или своих сил, которые потрачу на стряпню… Просто между нами уже всё решено. И эти посиделки ближе к ночи совершенно ни к чему.

– Кудряшов, ты меня удивляешь. Если вдруг тебя не кормят даже банальными макаронами и наггетсами, то у меня плохие новости…

Вздохнув, я посмотрела на мужа выжидательно. Рассчитывала, что он отшутится и всё же покинет сначала кухню, затем – квартиру, но Илья сидел и смотрел на меня пристально.

Мне даже стало неуютно под его взглядом, потому что в нём стали мелькать такие нотки, которых я уже не ожидала увидеть.

– Ты сегодня какая-то другая.

Эти слова Кудряшов произнёс в тот момент, когда я ставила кастрюльку на плиту. Намеренно маленькую, намекая изо всех сил на то, что сегодня у нас пира горой точно не будет.

Когда же я повернулась к Илье, оказалось, что взирает он на меня с тем чувством, которого от мужа я уже давным-давно не лицезрела.

Восхищение.

Причём ничем не прикрытое и явное настолько, что со-

мнений не оставалось: он и не собирается его прятать.

С тех пор, когда он в последний раз глазел на меня вот так, прошла, казалось, целая вечность.

– Я обычная, – пожав плечами, ответила как можно более равнодушно. – Ты же сам это сказал прежде, чем уйти к этой твоей… Лиле, или как её?

Конечно, я помнила, как зовут любовницу мужа. Лилия. Лилька, как он называл её, вкладывая в тон, которым произносил это чёртово имя, столько всего, что меня подташнивало от дерьмовых эмоций.

«Она не такая, как все… А ты… ты обычная, Катя».

Именно в этом и крылась причина его измены. После двенадцати лет брака Кудряшов решил, что рядом с ним слишком банальная, блёклая и никакая женщина. А его Лиля, с которой он познакомился на работе, куда эта дамочка пришла трудиться бухгалтером, «не такая, как все».

– Нет, Кать… – Илья поморщился, как будто я сделала что-то, что причинило ему боль. – Ты не обычная. Я это понял уже давно. А сейчас вообще стала другой.

Он понял это давно. Интересно, когда? Не в тот ли момент, когда стал жить со своей Лилей и что-то у них пошло не так? Ведь одно дело – тайно встречаться на работе и играть в Казанову, который удачно сходил налево, и совсем другое – вести совместный быт.

В глазах Кудряшова – всё тот же восторг, от которого мне хочется закрыться. Не нужно на меня так смотреть! Я не та,

кто готов простить измену, особенно такую грязную и бесчестную.

У нас с Ильёй всё было прозрачно с самого начала. Ещё не поженившись, мы сели и договорились на берегу: если вдруг у кого-то из нас возникнут чувства к другому или другой, сразу в этом признаёмся. И да, это было как раз в то время, когда Кудряшов был очарован мною и нашей историей любви. Однако с тех пор утекло слишком много воды.

Я стала для Ильи обычной, наш брак – пресным. А загул на стороне – искристым и жарким.

– Прости, Кудряшов, но тебя мотает как то самое… в проруби. Ну, ты понял, о чём я, – констатировала очевидное, кинув наггетсы на сковороду.

Пока они жарились, а макароны варились, я принялась наскоро нарезать овощи. Когда же скосила взгляд на мужа, оказалось, что он взирает на меня с искренним возмущением и даже обидой. Я даже не сумела сдержать смешок, который сам по себе сорвался с губ.

– Давай-давай, потешайся, – буркнул Илья, отвернувшись.

Однако вдруг ему в голову пришла какая-то мысль, и Кудряшов, подхватившись с места, удалился быстрым шагом в сторону комнаты сына. Откуда вскоре раздался громкий голос, намеренно звучащий так, чтобы ни единая доля информации от меня не укрылась:

– Представляешь, твоя мама позвала меня поужинать вме-

сте с вами! – изрёк Илья, и я чертыхнулась.

– Ура-а-а! – тут же радостно закричал Герман, которого сейчас использовали совершенно бесчестным образом.

Вполне себе в стиле Кудряшова. Как изменять и врать – тут он первый. А как понять, что его наличие здесь сегодня совершенно неуместно и нежелательно – хрен вам, как говорится.

Сын и Илья пришли на кухню через пару минут, при этом Герман сиял, как начищенный самовар. А на лице Кудряшова торжество соседствовало с чем-то вроде заискивания.

– Мамочка, ты у меня лучшая! – заявил Герман, который подошёл и обнял меня, радуясь тому, что Илья остаётся с нами.

До сего момента визиты Кудряшова заканчивались в тот момент, когда я возвращалась домой. Видимо, Герман решил, что причиной тому является моё нежелание общаться с его отцом.

Об измене Ильи сын не знал. Я до сих пор не понимала, стоило ли всё же поведать ему о настоящей причине того, почему мы с его папой расстались. И сейчас, когда Кудряшов провернул всё это, начала склоняться к мысли, что стоило быть с Германом честной.

В своё время.

Но, что называется, после драки кулаками не машут. Хотя, если Илья станет играть совсем не по правилам, у меня в рукаве будет припрятан солидный козырь.

– Мойте руки и садитесь, – вздохнула я, решив, что чем скорее мы расправимся с ужином, тем быстрее Кудряшов покинет наше с сыном общество.

Они удалились, а я принялась раскладывать еду. Спагетти предварительно заправила маслом, разложила по тарелкам. Илье намеренно поставила самую скудную порцию – раз уж он знал, что на него здесь никто не рассчитывал, пусть даже не думает налопаться от пуза.

Когда Герман и Кудряшов пришли на кухню, бывший муж полез в шкафчик, где мы хранили алкоголь. Выудил бутылку вина, собрался откупорить с совершенно довольным видом.

– Ты что такое задумал? – процедила я, хмуря брови. – Я просто согласилась накормить тебя, раз там, где ты сейчас живёшь, так туго с продуктами. О том, что это будет вечер с распитием вина, речи не шло!

Моя речь на Кудряшова не произвела никакого впечатления. Он продолжил хозяйничать – достал штопор, открыл бутылку, затем разлил напиток по бокалам. За этим я наблюдала с таким выражением на лице, которое явно должно было показать Илье, что здесь никто шутки шутить не станет.

– Кать, давай просто посидим и расслабимся, м? – проговорил Кудряшов совершенно спокойно, даже меланхолично. – Посмотри, как Герман рад. Не нужно портить этот прекрасный вечер.

Ах, я ещё и портила вечер! Нет, это ни в какие ворота не лезло…

– Илья… Или ты сейчас просто ешь и уезжаешь… домой, или наш сын, которые в свои десять – весьма разумный парень, узнает, наконец, где именно ты днюешь и ночуешь.

Как только я это сказала, Кудряшов сверкнул в мою сторону предупреждающим взглядом, а Герман сдвинул брови на переносице. Я не исключала того момента, что сын о чём-то догадывается. В принципе, это было совершенно нормально, если бы он строил предположения о реальных причинах нашего с Кудряшовым расставания. И какая-то из догадок попала в цель. Однако Илью мои слова буквально взбеленили.

– Думай, что говоришь, Катя… – процедил он.

Залпом выпил бокал с вином, вяло поковырялся в тарелке. А потом так же внезапно поутих, как и разъярился.

– Я не врал, когда говорил тебе, что понял, какое ты сокровище на самом деле. Я люблю тебя… я очень хочу быть с вами.

А вот это был самый, что ни на есть, запрещённый приём…

И я прекрасно понимала, зачем Илья это делает, ведь он теперь предстал перед Германом таким чувствующим, таким желающим вернуться… Вот только мне было совершенно не понять: что это за игра такая?

– Кудряшов, помнишь наш разговор, когда мы только встречались, но ещё не связали себя узами брака? – вкрадчиво поинтересовалась я, всё же взяв бокал вина.

Муж знал: в состоянии отсутствия трезвости я могла быть

совершенно разной. Как ангелом во плоти, так и настоящей стервой. И всё зависело от ситуации, которая сейчас играла вовсе не на стороне Кудряшова.

– Я помню, Катюша, всё помню… Но я честно сражался со своими демонами…

Если бы я успела сделать глоток – сейчас бы точно поперхнулась. С демонами он сражался, вы только взгляните на этого ведьмака! Только врал сейчас Илья как сивый мерин. Он просто приятно проводил время с Лилей, а потом и вовсе решил с нею быть, уйдя из семьи. И нет, я не верила в то, что он пытался обуздать похоть, направленную в сторону другой. Он просто развлекался и трахался на стороне, а когда прочувствовал вкус к жизни с любовницей – заявил, что я обычная и мне с ним рядом не место.

Так что же изменилось сейчас?

– Кудряшов, хватит, – поморщилась я и вовсе не от вкуса приличного напитка, который отдавал лёгкой и приятной кислинкой. – Перестань разыгрывать эти спектакли!

Герман, который всё это время молчал, насупив брови и переводя взгляд с отца на меня и обратно, наконец, вступил в разговор:

– Мама… папа хочет снова жить с нами одной семьёй! – заявил сын.

На лице Ильи отразилось полнейшее удовлетворение. Он молча как бы говорил: «Вот! Ну вот же! Устами младенца глаголет истина».

А меня это взбесило. Потому что как ни крути, а я окажусь крайней. И мне уж точно не хотелось, чтобы Герман считал, будто я являюсь виновницей того, что его папа не живёт с нами.

– Зато я этого не хочу! – отрезала, чуть ли не отбросив от себя бокал. – И поинтересуйся, пожалуйста, у этого «воителя с демонами» какова причина тому, что я отказываюсь от нового болота под названием «семейная жизнь с Ильёй Кудряшовым».

Конечно, сын вряд ли понял что-то из моей тирады, но это было, в целом, не так уж и важно. Главное, чтобы муж осознал: я в опасной близости от того, чтобы выдать Герману правду-матку.

Вскочив из-за стола, я принялась прибираться. Ужин вышел так себе, но иного и не ожидалось. И сейчас я рассчитывала лишь на то, что Илья всё же вспомнит о совести, после чего попрощается с нами и уедет.

Так и случилось, слава всем святым. Кудряшов вздохнул и, поднявшись, проговорил увещевательно:

– Катюша, Герман… Вы простите меня, что нарушил ваш покой. Давайте вернёмся к этому разговору позже, когда мы все будем готовы.

Он чмокнул сына в макушку. Подошёл ко мне, но я выставила перед собой руку, чтобы Кудряшову, не дай бог, не пришло в голову проявлять в мою сторону какие-то нежности.

А когда он, снова вздохнув, вышел, я опять опустилась на стул. Всё это меня просто вымораживало. Особенно – уверенность Ильи в том, что он вот так запросто может вернуться после того, что натворил.

– Я пойду к себе, – тихо сказал сын, который был задумчивым.

Но вроде бы не расстроился и то хлеб.

– Хорошо. Я зайду к тебе перед сном как всегда, – ответила Герману, и он, кивнув, удалился.

А я осталась наедине со своими мыслями и вопросами, на которые у меня не имелось ответов.

Впрочем, решив, что смысла копаться во всём этом нет никакого, я принялась за мытьё посуды. Можно было отправить её в машинку, но так я могла разгрузить мозг, что сейчас было как нельзя кстати.

А после и вовсе выбросила эту ситуацию из головы.

Не зная, что вскоре она настигнет меня вновь.

Со свекровью, теперь уже бывшей, наше общение можно было назвать тремя словами – отношения без отношений. Она не особо лезла к нам с мужем в семью. Я – терпела, когда всё же получала советы, подчас дурацкие. Мы обе делали вид, что готовы соблюдать плохой мир, чтобы не случилась добрая ссора. Поэтому когда она явилась ко мне на следующий день безо всякого приглашения, удивление моё было, мягко говоря, весьма большим.

С Германом Лада Альбертовна поддерживала связь по те-

лефону. Внука к себе в гости не звала, потому что для неё это было «слишком утомительным». Так что после развода мы почти не пересекались.

И вот теперь видеть свекровь на пороге своего дома было довольно странно…

– Катя, я даже не хочу слышать, что ты занята! – заявила она, войдя в прихожую, будто только её тут и ждали. – Тебе нужно срочно взять себя в руки и перестать вертеть носом! Ты не слишком молода, про красоту твою я молчу, ты и сама всё знаешь про то, что моделью не уродилась. Хватит крутить хвостом! Немедленно звони моему сыну и говори, чтобы он собирал вещи и съезжал от этой прошмандовки! А то пустит она его по миру, как пить дать! И квартиру эту вашу, – она обвела рукой пространство вокруг нас, – Илья передумает и себе заберёт. И пойдёте вы с Гешей бомжевать!

Нет, это ни в какие ворота не лезло… Особенно в той части, где Лада Альбертовна на голубом глазу рассказывала мне, что я не такая уж и красавица. При этом сама она не была, прямо скажем, далеко не первой свежести, да и похвастаться идеальными чертами не могла.

Однако от того, чтобы поведать этой заразе, куда она может идти со своими воззваниями, меня удержал тот факт, что я поняла, с чем именно свекровь ко мне явилась.

Она наверняка узнала про то, что любовница Ильи, свет очей его, Лиленька, рядом с Кудряшовым не просто так, а потому, что ей от него что-то нужно. И, возможно, знал это

и мой бывший муж. Недаром его понесло ко мне снова…

– Во-первых, Лада Альбертовна, никуда мы с Гешей не пойдём, – отчеканила я таким тоном, по которому сразу стало ясно, что со мной лучше не спорить. – Ни бомжевать, ни в другие интересные места. У меня есть право на половину этой квартиры, и даже если Кудряшов вдруг передумает и решит что-то сделать со своей частью, у меня на этот момент имеется план.

Я не блефовала. Хотя бы потому, что уже обсудила все нюансы с адвокатом, которая предположила несколько вариантов развития событий и путей решения острых вопросов, если таковые возникнут.

Но выкладывать свекрови уж точно ничего не собиралась.

– Во-вторых, – продолжила, раз у нас было «во-первых», – мне нет даже сорока. В отличие от вас. Так что если кто из нас здесь и не слишком молод, так это вовсе не я.

Впервые я шла на такое. Впервые позволила себе сказать вещь, которая была для меня, в сущности, недопустима. Но мир поменялся. Тот самый маленький семейный, который раньше мне казался оплотом.

И я поменялась тоже.

Я смотрела на Ладу Альбертовну с вызовом, и она поняла, что на рожон лучше не лезть. Поджала губы, выказывая недовольство, но промолчала по поводу моих слов. А когда всё же заговорила, голос её был заискивающим, но в то же время с нотками обиды.

– Катенька… Я вам с Гешей желаю только добра, пойми это. У нас с тобой всё сложилось так, что мы не стали особо близкими людьми, и в этом бог тебе судья. Но я искренне желаю тебе счастья!

Слушая эту театральную речь, я ловила себя на том, что мне очень хочется лишь одного – закатить глаза. Оказывается, причиной того, что мы с Ладой Альбертовной не смогли «дружить», была я сама и никто иной.

– Я говорила с сыном. Он очень разочарован сам в себе и в том выборе, который сделал совсем недавно. Илья не желает продолжать отношения с Лилей, потому что она очень корыстная… Он столько денег на неё тратит, что лучше бы отдавал вам с Германом! Ну или хотя бы мне…

Фыркнув, я не сдержалась и зло рассмеялась. Вот и озвучила моя свекровь главную мысль. Ей претил сам факт того, что её сын спускает средства на любовницу. А мать остаётся при этом без подати.

– Лада Альбертовна, если Илья разочарован в своём выборе, то он достаточно взрослый мальчик для того, чтобы покинуть те отношения, которые приносят ему лишь негатив. И он уж точно не козёл на верёвочке, чтобы я переводила его с одного огорода на другой. Я вам всё сказала: меня и Германа он из дома не выкурит. А если это произойдёт, то я уже продумала, как не допустить того, чтобы мы с сыном пострадали. На этом нашу с вами беседу считаю законченной.

Сложив руки на груди, я этим жестом как бы «отреза-

ла» перспективу дальнейшего общения со свекровью. Хватит уже с меня этих мексиканских драм, которые развёл Илья, а Лада Альбертовна лишь поддержала сына своим прибытием сюда.

Я просто хочу продолжать жить, растить сына и даже не думать о том, какие там Санта-Барбары творятся у Кудряшова с его любовницей.

– Хорошо. Я тебя поняла. Не пожалей только, когда останешься одна у разбитого корыта, – напутствовала меня бывшая свекровь прежде, чем уйти.

Она не сказала, что хотела бы повидаться с внуком, что, конечно, было даже хорошо, но очень красноречиво говорило о том, насколько Герман важен Ладе Альбертовне.

– Не пожалею ни на мгновение! – заверила я мать Ильи и она, очень тяжело вздохнув, всё же ушла.

Закрыв за ней дверь, я прислонилась к ней спиной и покачала головой. Осада крепости, как она есть. Интересно, кого ждать следующим?

– Мам… это не папа же приходил? – высунувшись из своей комнаты, спросил Герман, когда я простояла в прихожей несколько минут.

Думала о том, как же обезопасить себя и сына от того, что стало иметь слишком уж явное влияние на наши жизни.

– Нет, не папа, – помотала головой, прекрасно понимая, что Герман слышал если не всё, то хотя бы по голосам узнал, кто именно был у нас сегодня.

– Жалко… он мне пишет постоянно. Сказал, что хочет быть с нами, – вздохнул сын.

И меня прошило, словно разрядом электричества. Ну конечно! Теперь Илья начнёт действовать через нашего ребёнка… Причём делать он это будет так, как уже продемонстрировал. Станет использовать Германа, говорить ему, как он нас любит и хочет быть рядом.

– Думаю, нам стоит поговорить, – сказала я спокойно и ровно, решив, что час «икс» настал.

Сын должен знать всё.

Видит Бог, я не хотела очернять имя его отца до последнего, но Илья не оставил мне выбора…

– Хорошо, – кивнул Герман и, понурив плечи, распахнул шире дверь и пошёл вглубь своей комнаты.

И за то, каким сейчас был мой ребёнок, я готова была убить любого!

Всё же отбросив эмоции, которые сейчас могли сыграть не в мою пользу, я направилась следом за сыном. Герман устроился на постели и взглянул на меня затравленно. С одной стороны, он наверняка понимал, что беседы не избежать. С другой – пытался остаться в своём маленьком иллюзорном мирке до победного.

– Я думаю, что нам стоило это обсудить сразу, как я столкнулась с тем, что до сих пор никак не могу осознать и принять, – проговорила я.

И тут же мысленно себя отругала – слишком высокопар-

но и непонятно для ребёнка. И хотя Герман какое-то время смотрел на меня внимательно, а потом кивнул, показывая, что он всё понимает, мне стало ясно, что это далеко не так.

Сын очень старается выглядеть взрослым. На деле же – он ещё малыш, которого нужно оберегать и защищать.

– Твой папа развёлся со мной по вполне конкретной причине. У него появилась другая женщина.

Всё.

Я это сказала.

Произнесла те слова, которые мне самой казались настолько жуткими даже сейчас, хотя и прошло уже достаточно времени.

Герман поджал губы и рвано выдохнул. Его руки сжались в кулаки, он качнул головой и уточнил:

– У него будут новые дети?

Через меня вновь словно пропустили разряд в двести двадцать. Бедный, бедный мой малыш… Как же ему было неприятно и тяжело!

Притянув сына к себе, я прижала его к своей груди, а на заданный вопрос не ответила. Потому что сказать мне было нечего. Я не могла заверить Германа, что его отец перестанет плодиться и размножаться и останется он его единственным ребёнком. Мы с Ильёй сами подумывали о том, что у нас когда-нибудь появится ещё сын или дочка, благо возраст позволял. Однако сейчас все эти планы, конечно же, были в прошлом.

– Я не знаю, – всё же сказала расплывчато. – Но хочу, чтобы ты понимал: даже если папа пишет о своём желании вернуться, и он действительно хочет обратно – принять его я не смогу. Он предал нашу семью. Максимум, на что я готова пойти, и то исключительно ради тебя – общаться с ним чисто по-человечески.

Герман отстранился и снова стал хмуриться. Он о чём-то очень крепко размышлял, и я не вмешивалась в этот мыслительный процесс.

– Я всё понял, – просто сказал сын по прошествии времени.

Он сидел молча довольно долго, глядя перед собой, а когда я уже собиралась как-то закончить этот разговор и пока все дальнейшие обсуждения перенести на потом, Герман неожиданно жёстко произнёс:

– Я больше не хочу с ним говорить и видеться.

Это было столь внезапно, что я даже охнула. Совершенно не рассчитывала на то, что наша беседа завершится именно на этом. И что в принципе сын придёт к такому пожеланию…

– Герман, я понимаю, что твой папа поступил плохо… – начала, но он повторил ещё более твёрдо:

– Я больше не хочу с ним говорить и видеться!

И что я могла сказать? Нет, ты не должен принимать таких решений?

Несмотря на весьма юный возраст, только Герман мог знать, как ему поступать дальше в том, что касалось общения

с отцом. Да и, положа руку на сердце, я понимала, что это эмоции, которые рождаются здесь и сейчас. Пройдёт время и всё может измениться.

– Хорошо. Я думаю, что пока мы на этом остановимся. Но если что – ты же знаешь, что всегда можешь ко мне прийти и рассказать обо всём, что с тобой происходит. И что у тебя на душе.

Герман кивнул и взглянул на меня глазами, в которых плескалась затаённая боль.

– Бабушка говорила тебе что-то нехорошее…

Он не спрашивал – утверждал. И в этом вопросе я тоже решила не играть в молчанку. Ответила ровно:

– Да. У нас с ней вообще не особо складывается общение. Так что вряд ли она появится у нас дома в обозримом будущем.

Следующая возникшая пауза была ещё более дискомфортной, чем те, которыми мы заполняли неприятную беседу до сего момента.

– Давай я приготовлю нам что-нибудь вкусненькое, – предложила Герману, чтобы сменить неприятную тему.

На что он покачал головой, лёг на постель и свернулся калачиком.

– Я не хочу, – ответил сын, отчего возникло чувство, будто мне полоснули по сердцу.

Постояв немного, не зная, как ещё помочь своему ребёнку, я дождалась, пока он заснёт. Видимо, напряжение было

столь острым, что его нервная система попросту не выдержала…

Что ж, это к лучшему. Как говорится – утро вечера мудренее.

Укрыв Германа пледом, я всё же покинула его комнату и хоть мне тоже совершенно не хотелось есть, заняла себя готовкой.

Моя откровенность в любом случае приведёт к чему-то новому, скорее всего, неприятному. Илья так просто мне это с рук не спустит.

Но подумаю я об этом как-нибудь потом.

***

Сын отпросился погулять с другом и немного поиграть в футбол в ближайшем дворе, и я, конечно же, противиться не стала.

Как раз занялась насущными делами – посетила скромную, но весьма интересную выставку, которая была связана с моей деятельностью. Меня вновь охватило размышлениями о тех задумках, которые я хотела воплотить в проекте – трудилась я ландшафтным дизайнером, и заказ у меня был весьма масштабный.

Когда же вернулась домой – первое, на что наткнулся мой взгляд: обувь Кудряшова в прихожей.

Чёрт бы его побрал, он что, снова был здесь? В том месте, где его совершенно не ждали?

И да – сам Илья обнаружился… мирно спящим на моей

кровати. Причём с той стороны, где обычно я и устраивалась на ночёвку.

Но самое главное заключалось не в этом. Кажется, бывший муж решил поиграть в какие-то свои игры, потому что он… притащил с собой сумки!

Наглости у Кудряшова было не занимать. И если он решил, что может вот так вот на голубом глазу притащить сюда своё барахло, не спросив моего на то позволения, то мне предстояла очень важная миссия. Показать и словами, и действиями, что здесь Илью никто не ждёт. Особенно на ПМЖ!

– Какого чёрта тут происходит? – проговорила я чётко и раздельно таким громким голосом, что от него аж самой захотелось вздрогнуть.

Кудряшов как-то забавно тонко вскрикнул, вскочил на постели и заозирался.

Потом заметил меня и уставился обвиняющим взором, в котором плескалась искренняя злость.

– Катя, ну ты что? – возмутился он. – Так же и до инфаркта недалеко!

Я указала на сумки, стоящие возле кровати. Потребовала ответа непримиримым тоном:

– Что это такое, дьявол тебя раздери? Ты решил устроить из моего дома перевалочный пункт, потому что твоя Лиля тебя бросила?

Илья поджал губы, будто бы сейчас я нанесла ему смертельную обиду. Затем вздохнул так тяжело, что его можно

было бы даже пожалеть, если бы я не знала: в этой реакции притворства больше, чем у шлюхи, которая изображает любовь за деньги.

– Никакая Лиля никуда меня не бросала, – отрезал он. – Я сам от неё ушёл.

Он спустил ноги с кровати, встал и подошёл ко мне. Я сложила руки на груди и замотала головой, давая понять, что приближаться ему точно не стоит.

Однако дальше случилось то, чего я вовсе не ожидала. Кудряшов какое-то время посомневался, а потом шагнул ко мне и попытался обнять.

И тут я испугалась. Мне в голову пришла мысль, которая поначалу показалась дурацкой: а что сейчас может помешать Илье насильно меня обнять и начать, например, нацеловывать? Это от того мужа, с которым я прожила столько лет, подобного ожидать не приходилось, но сейчас-то всё иначе.

Видимо, заметив мою реакцию, Кудряшов замер, а на челе его отразилась работа мысли. Может, он вообще сейчас стоял и думал: не стоит ли применить силу? И посмотреть, сломаюсь ли я под его напором. О насилии я, конечно, не думала, на такое он пойдёт вряд ли. А если вдруг у нас завяжется небольшая стычка, уж конечно, я не побегу в полицию с заявлением наперевес.

Однако, мой страх, судя по всему, отрезвил Илью. Он буркнул обиженно:

– Ты что, действительно считаешь, что я могу причинить

тебе зло?

Отвечать я не торопилась. Врать, что уж конечно, даже не подозреваю мужа в том, будто он может мне навредить, было бессмысленно. Илья сам всё видел по моему лицу. Но и обвинять его в том, чего он не сделал, поводов тоже не имелось.

Отойдя обратно к кровати, когда не дождался от меня ни слова по данному озвученному вопросу, Кудряшов повторил:

– Я сам ушёл от Лили. И планирую жить здесь, у себя дома. Если не хочешь пускать меня в супружескую постель – так тому и быть. Стану ночевать на дива…

– Нет!

Это слово я выкрикнула ещё громче, чем свой вопрос, который совсем недавно разбудил Илью.

– Это исключено! – добавила тоном, в котором уверенность была просто огромной.

Ну неужели он и впрямь всё это говорит не в шутку? Мы разведены, никакого воссоединения больше не будет, как бы он ни старался сделать вид, что я действительно теперь что-то для него значу.

Он ведь меня отлично знает. И в курсе того, что прощения не будет.

– Катя, пожалуйста, давай не будем доводить до абсурда. Я не хочу напоминать тебе, что это такая же моя квартира, как и твоя, потому что…

Илья запнулся, подбирая слова, а я закончила за него:

– Потому что ты сам сказал, что уходишь к своей уникальной Лиле и не станешь претендовать на это жильё!

Я произнесла эти слова с нажимом, потому что у нас действительно состоялся такой разговор. И Кудряшов был при этом настолько убедителен, что я ему поверила.

У наших друзей была подобная история. Наш приятель ушёл из семьи пару лет назад, потому что полюбил другую и стал с нею жить. И он ни словом, ни делом не показал, что его первоначальная затея оставить бывшей жене и отнюдь не бывшим детям квартиру, трансформируется в желание вернуться хоть когда-либо.

– Да, так действительно было. Но сейчас всё изменилось! И дело вовсе не в том, что мне негде жить. Уж я найду возможность снять себе что-то другое. Просто я решил, что так мне будет проще тебя вернуть. Ты увидишь своими глазами, какой я на самом деле честный и надёжный муж.

Дослушав сию тираду, я запрокинула голову и расхохоталась. И пока Кудряшов опять превращался в буку, который смотрел на меня взглядом ребёнка, получившего незаслуженную оплеуху, я пыталась осознать простую, но в то же время очень сложную вещь.

Что мне делать, если этот баран вобьёт себе в голову вероятность претворить свой план в жизнь?

От необходимости выяснять этот немаловажный момент меня избавило возвращение домой сына. Я даже чертых-

нуться не успела, когда услышала звук открываемой двери, а из прихожей досталось осторожное:

– Мам?

Герман наверняка увидел обувь отца у порога. А когда прошествовал в нашу комнату, я вообще напрочь забыла обо всём. Потому что сын вдруг сделал то, чего мы с Ильёй уж точно никак не ожидали. Опустил голову, рыкнул, словно волчонок, и…

… бросился на Кудряшова с явным намерением его поколотить.

Замерев от ужаса, который сковал меня по рукам и ногам, я, словно в самом страшном полусне наблюдала за тем, как Герман, налетев на отца, попытался его ударить. Он занёс ручонку, сжатую в кулак, и Илья только в последний момент увернулся с каким-то диким, полным шока, звуком.

– Герман! Господи, Герман! – вскричала я, кидаясь к своему ребёнку.

Тому, кого и нужно было защищать в первую очередь – прежде всего от того, в каком состоянии он пребывал сейчас.

Вся ситуация, созданная руками Кудряшова, была сильнейшим потрясением для нервной системы нашего несчастного Германа. И сейчас если Илья бы ему ответил, я просто не знала, что делать.

Вернее, на ум просилось лишь одно: броситься на выручку сыну, защитить его даже ценой собственного здоровья. А вот как в дальнейшем быть с тем, какая непоправимая трав-

ма будет нанесена Герману, я не знала.

Однако, предпринимать никаких воинственных действий и не пришлось. Драться с десятилетним ребёнком Кудряшов не стал. Он как-то умудрился схватить его за плечи и не позволить нанести себе удар, легонько встряхнул, после чего воззрился полным ужаса взглядом.

– Ненавижу тебя! Ненавижу! – закричал Герман, пока я быстро высвобождала его из рук отца и прижимала к себе.

– Геша… Да что такое случилось-то? – с недоумением проговорил Илья, смотря то на меня, то на сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.